П. П. ЕФИМЕНКО

РАННЕСЛАВЯНСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ НА СРЕДНЕМ ДОНУ [1]

Вокруг г. Воронежа, вверх и вниз по течению р. Воронежа и на ближайшем участке долины Дона, который протекает в нескольких верстах к западу от города, известен ряд городищ, отличающихся любопытными особенностями. Они держатся, как это обычно наблюдается у наших городищ, высокого берега названных рек, занимая возвышенные пункты, доминирующие над поемной долиной. В настоящее время в большинстве они покрыты густой порослью чернолесья, в прежнее же время они, без сомнения, терялись среди дремучих лесов, покрывавших берега и водоразделы Дона, Воронежа и других рек северной части б. Воронежской губ. И ныне местность по течению р. Воронежа к северу от города поражает своей дикостью, представляя местами непроходимые лесные трущобы. Недаром здесь удерживаются последние остатки почти вымершего европейского бобра.

Городища, о которых идет речь, расположены близко друг к другу, обычно в расстоянии 3—5 *км*. По правому берегу р. Воронежа, если направляться от его устья, они известны у Шилова, затем в самом городе на Чижовке, у Кузнецовой дачи, Михайловского кордона, на Белой горе, у с. Чертовицкого и далее к северу. На Дону они имеются у сел Костенок, Боршева, Голышевки и др. Число их здесь, несомненно, весьма значительно.

Нередко они имеют очень большие размеры (напр., городища у Голышевки и у Михайловского кордона), занимая площадь в несколько десятков гектаров, и бывают отделены от соседней возвышенности длинными дугообразными, иногда почти кольцевыми валами. В этом отношении их нельзя не сопоставить с земляными укреплениями древних русских городов, вроде, например, городища Старой Рязани и многих других известных городищ того же времени.

Другую интересную их особенность представляют более или менее глубокие западины, во множестве покрывающие площадь городища и смежные участки береговых возвышенностей. Величина этих ям довольно значительно колеблется, вероятно потому, что они неодинаково сохранились и местами более или менее заплыли. Наблюдая их в обрезах оврагов, можно видеть, что им отвечают землянки прямоугольных очертаний, заполненные наносом с значительным количеством культурных остатков. Как и на поверхности городища, здесь в большом числе попадаются кости животных и грубая керамика, сделанная без гончарного круга.

Обычно с городищами бывают связаны курганные группы из большого числа невысоких, тесно расположенных, хорошо сохранившихся насыпей с кольцевыми ровиками в основании. По внешнему облику они, таким образом, не отличаются от славянских курганных могильников. Однако при раскопках их разными лицами эти насыпи не давали находок, которые обычны в славянских курганах, и не содержали ничего, кроме той же грубой посуды, сопровождавшей остатки сожжения. Ни время, ни принадлежность воронежских городищ и связанных с ними курганов до сих пор не могли быть сколько-нибудь точно установлены. А. А. Спицын, который в 1905 г. произвел раскопки нескольких курганов и землянок на городище у с. Боршева на Дону, руководясь их сходством с курганами с трупосожжением верхнего течения р. Оки, склонен был относить их к литовцам.

В таком положении находился вопрос об этих интересных памятниках до работ экспедиции Академии.

Чтобы сжатое изложение результатов работ нашей экспедиции было более понят-

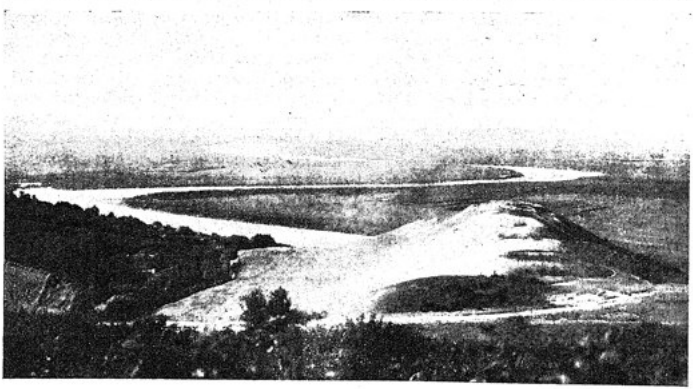
[1] По материалам Юго-восточной экспедиции.

II. Scientific Heritage of Russia

но, нужно заметить, что одной из главных задач ее была проверка сделанного нами в недавние годы довольно неожиданного и весьма существенного по намечаемым им перспективам наблюдения.

Дело в том, что хотя славянские поселения и курганные кладбища более поздней поры, времени формирования великокняжеской феодальной Руси, XI—XIII вв., давно уже стали известны на всем пространстве территории, занятой восточными славянами в исторический период, памятники более древнего времени тех же славян VIII—IX—X вв., несмотря на весь их интерес и значение, до сих пор совершенно ускользали от внимания археологов. Местами, где удавалось проследить памятники, безусловно относящиеся к X в., как черниговские курганы Самоквасова, Гнездовский могильник, некоторые сопки Приладожья и т. д., их вещественный инвентарь, явно в своей основе не местного происхождения, не давал возможности делать заключения о их принадлежности славянам. Любопытно, что совершенно то же явление приходится констатировать и в областях, занятых западной ветвью славянского племени. Ни в Германии, значительная часть территории которой была занята славянами в эпоху раннего средневековья, ни в старых славянских землях Польши, Чехии, Моравии, Австрии, Венгрии, где славянские поселения хорошо известны по историческим данным, восходящим к VI—VII вв., до сих пор не найдено каких-либо достоверных памятников славянской культуры этого времени, эпохи, предшествующей X—XI вв., когда сразу славянские поселения и сопровождающие их могильники появляются повсюду.

Наши штудии в области этих вопросов, исходным моментом для которых явились взгляды Н. Я. Марра на сущность славянской проблемы, сделали для нас очевидным, что следы древнеславянской оседлости в действительности имеются всюду, начиная от полосы южной лесо-степи, через бассейн верхнего течения Оки, среднее и верхнее течение Днепра, до северных, озерных районов быв. Псковской, Новгородской и Ленинградской губ., прослеживаясь и на запад, в Польшу. Они не привлекали к себе внимания исследователей потому, что чрезвычайно примитивный уклад их культуры побуждал относить ее остатки ко времени гораздо более раннему и рас-



Общий вид городища

II. Scientific Heritage of Russia

сматривать их как памятник ранней поры. Теперь мы можем утверждать, что эти памятники в своей массе принадлежат к определенному и сравнительно позднему времени.

Такие находки дают нижние слои многих несомненно славянских городищ, напр., Донецкого городища под Харьковом, городищ быв. Полтавской губ., расположенных по Ворскле и Пслу, городища Волыни (по р. Случу) и т. д. К ним же относятся множество земляных укреплений более северного района — Днепра, Оки и системы рек, связанных с Балтикой.

Все они, также как расположенные возле них характерные курганы с трупосожжением, отличаются крайней бедностью находок, среди которых на первом месте стоит более или менее однотипная грубая керамика. Эту керамику в местах поселений сопровождают поделки из кости и рога и редкие находки металла.

На основании указанных признаков, городища этого типа некоторыми нашими исследователями причислялись к кругу памятников т. н. Дьяковой культуры. Однако в ряде случаев удается доказать бесспорную связь этих городищ и курганных могильников с славянскими поселениями собственно исторической поры.

В 1928 г. нами велись главным образом работы на городищах, расположенных к северу от Воронежа. Раскопки 1929 г. были сосредоточены на двух городищах, находящихся у с. Боршева.

Особенный интерес представляет для нас Боршевское первое городище. Оно занимает естественно защищенный крутыми стенами отрог меловой возвышенности, вытянутый с юга на север, в сторону Дона, и от подъема к плато отделено коротким валом и рвом. В общем оно имеет вид узкой и длинной площадки, 180 *м* в длину и 30—35 *м* в поперечнике по верхней площадке, с заметным уклоном ее поверхности к востоку. Местами городище значительно попорчено благодаря выработкам мела.

На меловой площадке городища, где

Нижние части помещений, высеченных в мелу

культурный слой оказался снесенным, заметны группы неглубоких, заплывших углублений, расположенных, если смотреть вдоль городища, более или менее правильно, рядами, образуя как бы уступы площадки. Раскопка одной из таких групп западин была нами начата в 1928 г. и закончена в 1929 г. Благодаря отсутствию культурного слоя на городище, который оказался смытым вследствие довольно значительного уклона его площадки, уже на первом-втором штыхе наметились контуры высеченных в мелу помещений. По их очистке обнаружилось, что в центре, в самой высокой точке этого участка площадки, находилась прямоугольная, почти квадратная камера, размером в 4—4,5 *м* в квадрате, тщательно вырубленная в меловой скале. Ниже, по восточному склону площадки, к ней примыкает сеть сообщающихся между собой помещений. Одни из них в 3,5—4 *м* в квадрате, другие несколько меньших размеров, служившие переходами и помещениями подчиненного значения. Всего здесь вскрыто 15 камер.

В большинстве их в углу находится прямоугольный очаг, сложенный из булыжника или со стенками, высеченными в мелу. Только в первой, центральной, найдена небольшая глинобитная печь с полукруглым сводом, обложенная кам-

II. Scientific Heritage of Russia

нями. Во всех камерах по углам и по средней линии стен встречаются ямы от столбов, служивших устоями крыши. Стены забраны тонкими бревнами в сруб или досками, имеющими опору на столбы; пространство между деревянными стенами и стенами камеры забито меловым щебнем. На средних столбах, несколько отходящих от линии стен, видимо укреплена была матица двускатной крыши. По другую сторону, к западу, к главному помещению примыкала группа из четырех отдельно расположенных камер.

По краям городища с той и другой стороны открыты террасообразные площадки с ямами от столбов, вероятно, поддерживавших навесы; здесь же были высеченные в мелу ямы-хранилища, иногда наполненные костями рыб. Вероятно, здесь находились летние обиталища, примыкающие к зимним жилищам. Последние имели не одинаковое назначение. Более крупные камеры имели постоянные печи-каменки, в меньших встречались только места очагов в виде небольших округлых углублений, выбитых в полу помещения. Открытые нами жилища имеют вид не отдельных жилых помещений, а целого улья помещений, лежащих одно возле другого. Эти обширные сооружения, дававшие приют, видимо, не одной сотне человек, запечатлевают картину настоящего общинно-родового хозяйственного гнезда. Это было население многолюдное, судя по большому количеству укрепленных пунктов и селищ, державшееся глухих лесных и болотистых пространств более северной части быв. Воронежской губ. Занималось оно главным образом охотой и рыболовством. Почва городищ и внутренность землянок переполнена костями диких животных и рыб разных пород. В большом количестве встречаются кости бобра, на которого, очевидно, охотились не только ради меха. Домашних животных встречено значительно меньше: это верблюд, вероятно, попавший сюда из хозарских поселений, линия которых тянется не далее как в 50 *км* южнее Боршева, корова, свинья, лошадь. Занималось это население и земледелием, о чем свидетельствуют находки ручных жерновов и высеченные в мелу ямы, часть из которых служила, несомненно, для хранения хлеба. В очагах были находимы обгорелые зерна проса.

Бытовой уклад жителей Боршевского городка был весьма примитивен. Несмотря на обилие всякого рода культурных остатков, металлических изделий здесь было встречено очень мало. Наоборот, кость, в связи, вероятно, с недостатком железа и меди, является обычным, широко распространенным материалом для выделки орудий, украшений и пр. Главная масса находок состоит из грубой посуды. Вещи привозного характера сводятся к немногочисленным арабским диргемам, изредка встречавшимся стеклянным бусам и вещам из металла. Чаще попадается привозная посуда, амфоровидные сосуды и кувшины. Экспедицией были произведены раскопки курганов, расположенных в ближайшем соседстве с первым Боршевским городищем. Они дали целый ряд новых и интересных наблюдений. Во всех курганах обнаружены были кольцевые ограды из вертикально поставленных дубовых плах и погребальные камеры в виде не-

Очаг

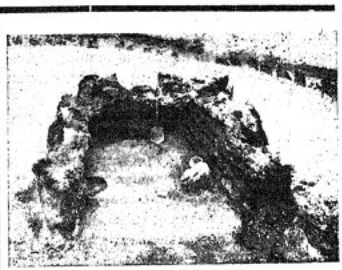
© Scientific Heritage of Russia

Общий вид раскопанного кургана с ограждением из бревен

больших срубов. Эти сооружения стоят всегда у края ограды. Ими пользовались при повторных захоронениях, причем сожженный прах умершего ссыпался в небольшие сосуды, которые постоянно находятся в камерах в числе 3—4 штук. Культурная отсталость, примитивность бытового уклада этого старого славянского населения Подонья проявляется и в том, что, как и в самом городище, в погребальных домиках почти не встречается вещей обихода, украшений и пр., столь обычных в погребениях тех же восточных славян в несколько более позднее время. Только в одном из исследованных курганов было найдено несколько медных подвесок, сходных с известными в финских могильниках так наз. Лядинского типа.

Раскопки Боршевского и других исследованных экспедицией поселений позволяют совершенно по-новому взглянуть на условия быта восточных славян в эпоху их широкого расселения в восточно европейской равнине. Они дают надежные археологические факты, освещающие ту среду, в которой одно-два столетия позже закладываются основы феодальной Руси, перестроившей по-новому весь хозяйственный и культурный уклад древнеславянских родо-племенных объединений.

В ранней истории Восточной Европы трудно найти другой материал, который так отчетливо рисовал бы картину перекристаллизации форм материальной культуры в критический период стадиального развития общества на грани двух исторических состояний, как тот, который дает сопоставление славянских городищ и могильников эпохи Боршева и известных русских городищ и курганов XI—XII века.



Внутренность погребальной камеры

© Scientific Heritage of Russia